

6 ДЕК 1977

## СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА



ЛЮДИ ИСКУССТВА

## ВОЛШЕБНИК

Наталия ШЕРЕМЕТЬЕВСКАЯ,

кандидат искусствоведения

Одержимость предэзамационной тренировки, которую можно было наблюдать в конце мая в Государственном училище циркового и эстрадного искусства, поражала даже человека, привыкшего к упорному труду балетного артиста. На центральном манеже, в большом гимнастическом зале, во всех классах, коридорах с самого раннего утра и до позднего вечера тренировались воздушные и партерные акробаты, жонглеры, музыкальные эксцентрики — те, чье искусство определено понятием «оригинальный жанр».

Ритм работы училища — это ритм жизни Сергея Андреевича Каштеляна, вот уже двадцать лет работающего в этих стенах. Характер его работы так же сложно определить, как измерить плоды его творческой деятельности. Педагог. Постановщик. По отношению к нему это слишком узкие понятия — хочет- ся назвать его волшебником.

Право же, Сергей Андреевич постоянно совершает малые и большие чудеса. То обнаруживает способности у, казалось бы, безнадежного ученика, то открывает истинное призвание другого, вселяет уверенность в своих силах третьему, у всех воспитывает высокие профессиональные и человеческие качества. А главное, создает для своих учеников новые микромиры — яркие, оригинальные эстрадно-цирковые номера, в которых они живут привольно и счастливо (разумеется, после длинного страдного пути) и приобщают и нас, зрителей, к замечательному искусству. Мир его интересов необычайно широк — философ, мечтатель, С. Каштельян черпает сюжеты и образы из окружающей действительности. С какой гневной убежденностью он разоблачал фальшивизм в пантомиме «Это не должно повторяться!» (здесь впервые блеснули дарования ныне известных артистов Анды Черновой и Юрия Медведева). С каким уничтожающим сарказмом рассказывал он вместе с Александром Жеромским в другой пантомиме — «Бумажный солдатик» — незадачливую историю американского вояки. Как ярко сумел выразить мечту о счастье в прелестной миниатюре «Золушка», так поэтично воплощенной Светланой Власовой и Олегом Школьниковым (они получили за этот номер на последнем Всероссийском конкурсе эстрадной молодежи первую премию). Трудно было бы перечислить все значительные постановки Каштеляна — их слишком много. А сколько воспитал он талантливых актеров, которые стали лауреатами и дипломантами разных конкурсов, — около тридцати его учеников...

Мы беседуем в пустом фойе общежития училища — основная масса студентов еще штурмует высоты мастерства. Восемь часов вечера, а он с десяти часов утра экзаменовал, репетировал, заседал.

— Не слишком ли себя переутомляете, Сергей Андреевич?

— Иначе не могу — мне с ребятами хорошо. Они теперь очень интересные — развитые, требовательные, чувствующие малейшую неуверенность педагога, неточность предлагаемых решений. К каждой встрече с ними надо быть готовым, внутренне мобилизованным. Да и вообще наш жанр искусства предъявляет большие требования, ведь каждый раз начинаешь создавать номер буквально на голом месте — все надо придумать

самому. Найти идею номера, разработать его драматургию, придумать, какими выразительными средствами она будет воплощена...

— Знаете, я каждый раз невольно отождествляю себя с ними, — неожиданно признался он, — ведь все это в свое время было пережито.

В большой семье Каштелянов дети учились музыке. Особенные способности проявлял Сергей. Педагоги музыкального политехникума (в 20-х годах любили производственные термины) были довольны его успеваемостью. Главным образом исполнением Шопена. У юноши были мягкое тело, хорошая пианистическая техника, близкое этому композитору лирическое мировосприятие. Однако именно лирический настрой подсказал Сергею Каштельяну совсем иной путь.

Семья жила в районе Петровского парка, вблизи от организованного в те годы Техники циркового искусства (он был на том же самом месте, что и сейчас). Сергей проник в помещение бывшего манежа скаковых конюшен и часами смотрел, как занимаются будущие светила цирка. Этот мир манил его таинственной недоступностью, опасностями, сулил яркие и сильные впечатления. Юноша твердо решил посвятить себя этому искусству, тем более что физических сил, ловкости хватало и он очень быстро усваивал увиденные на арене приемы. Легко представить, как восприняли в семье и в музыкальном политехникуме его решение, сменить будущность пианиста на цирковую. Впрочем, музыка Сергея не изменил, поскольку поступил на отделение музыкальной экспериментации. Прошло несколько лет обучения, и он стал профессионалом.

С особым волнением вспоминает Каштельян участие в программе «Веселый час» театрализованного оркестра Гражданского воздушного флота (авторы А. Раскин и М. Слободской), называя ее постановщика Ф. Каверина одним из тех режиссеров, которые открыли перед ним заноны и тайны сценического искусства.

Эта работа принесла артисту большой успех и помогла осуществить, казалось бы, похороненную мечту о карьере пианиста. Вероятно, тогда впервые определился творческий метод Каштеляна — умение строить образ на синтезе выразительных средств, среди которых ведущим является музыка. Он остался верен этому методу навсегда и в деятельности руководителя различными эстрадными коллективами, и сейчас, в работе с учениками, номера которых неизменно покоряют зрителей прежде всего своей музыкальностью.

Созданные в годы войны под его руководством программы отличались художественными достоинствами и зозвучием героического времени. Каштельян сочетал в своем лице режиссера, многоязычного исполнителя, а подчас и автора текстов и музыки. Но в середине 50-х годов в его кипучей деятельности наступил неожиданный перерыв — в результате тяжелого недуга, грозившего трагическим исходом, он вынужден был уйти со сцены.

В период болезни он многое переосмыслил из виденного и созданного, раздумывая о том, что еще мог бы и хотел бы сделать в искусстве. Уже тогда он пришел к мысли, что оригинальный жанр в силу своей собираемости и многоплановости

таит богатейшие постановочные возможности, что этому жанру доступны более серьезные задачи, нежели простая демонстрация технического мастерства. Когда доводилось слушать музыку или самому садиться за рояль, его фантазия начинала рисовать заманчивые образы... Вскоре появилась возможность воплотить мечты в действительность — Каштельяна пригласили работать в Училище циркового и эстрадного искусства. Встреча с молодежью оказалась для него живительной — начался самый плодотворный период его деятельности.

— Мы умираем в наших учениках, чтобы возродиться в них же, — убежденно говорит Сергей Андреевич.

Да, воспитанники Сергея Андреевича, во всяком случае те, с кем мне довелось беседовать, отдают себе отчет в том, что ему обязаны они своим артистическим рождением. Разные по индивидуальностям и дарованиям, они схожи одержимостью в работе и серьезным отношением к целям и задачам искусства. За каждым номером должна ощущаться личность самого исполнителя — советского гражданина: этот принцип художника становится главным в творчестве каждого его ученика.

— До встречи с Сергеем Андреевичем, — рассказывает Аида Чернова, одна из его первых учениц и последовательниц, — я пыталась создавать пантомимические этюды — своеобразные импрессионистические зарисовки. Но пройдя его школу, я хотела сказать, великолепную эстрадную школу, научившую меня безошибочно чувствовать продолжительность номера, его конструкцию и форму, умению сочетать внешнюю выразительность приемов с психологизмом и драматизмом содержания, после такой школы Сергея Андреевича меня уже не привлекают просто эффектные темы. Теперь интересны лишь те, что несут глубокое содержание, гражданские или патриотические идеи, идеи человеческие, гуманистические.

Сергей Андреевич любит повторять, что «ученики должны идти дальше своего учителя», и заставляет всех своих питомцев продолжать образование. Некоторые из его воспитанников уже окончили Высшие режиссерские курсы, театрологический факультет ГИТИСа, сценарный факультет ВГИКа, другие занимаются в различных гуманитарных вузах. Словом, вокруг Каштеляна собираются кадры не только высокопрофессиональных артистов, но и культурных, интеллигентных людей. Закономерно, что все они одержимы идеей создания собственного творческого коллектива, скажем, театра, а точнее, родного дома, где артисты оригинального жанра могли бы общаться, обмениваться мыслями, экспериментировать, искать новые формы, где создавались бы не только отдельные, пусть прекрасные номера, но и целые программы, которые позволили бы достичь высокого, подлинно философского осмысливания жизни. К этой цели Каштельян неизменно стремится и ведет за собой учеников.

Во время заключительного концерта победителей VI Всероссийского конкурса артистов эстрады рядом со многими именами лауреатов называли имя Каштеляна, поставившего удивительные по богатству мысли и фантазии маленькие шедевры: героическое «Вечное движение», забавный «Хоккей», оригинальную «Капризную гитару», пронзительно лирическую «Золушку». И все присутствовавшие в зале могли убедиться, как прекрасен мир художественных образов, созданный на эстраде этим педагогом, постановщиком, мастером, наставником и волшебником — Сергеем Андреевичем Каштельяном.

• Мастер оригинального жанра, педагог С. Каштельян.